

Николай Ващилин

СЕКСОТРЯСЕНИЕ

Играй, гормон!

Николай Ващилин

Сексотрясение. Играй, гормон!

«Издательские решения»

Вацилин Н.

Сексотрясение. Играй, гормон! / Н. Вацилин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834159-5

Любовь — дар Божий! Плодитесь и размножайтесь! Но и Дьявол не дремлет, подсовывая людям всякие подделки и прелюбодеяния. В коротких рассказах автор пытается с иронией, сарказмом и чистосердечным признанием рассказать свои наблюдения за этим явлением.

ISBN 978-5-44-834159-5

© Вацилин Н.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Первая любовь	7
Весь наш джаз	12
Конец ознакомительного фрагмента.	23

**Сексотрясение
Играй, гормон!
Николай Ващилин**

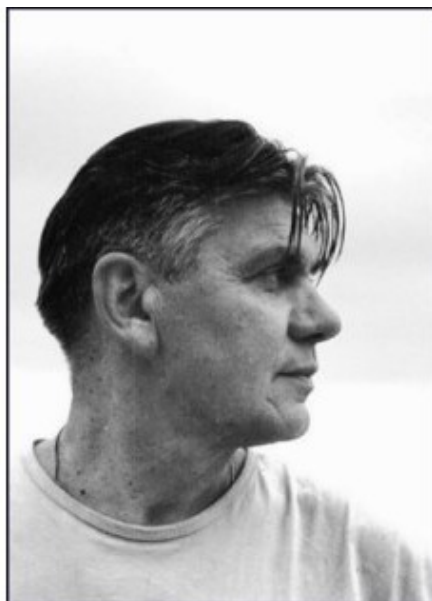
© Николай Ващилин, 2016

ISBN 978-5-4483-4159-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Я прожил свою жизнь в послевоенном Ленинграде, вновь ставшим Санкт-Петербургом. Рос с рождения 07.04.1947 года с бандитами «Васьки», занимался самбо и дзюдо в одном спортклубе с Вовой Путиным. Подрабатывал в кино каскадёром, освобождаясь от основной работы, ради заработка и встреч – с Володей Высоцким, Василием Шукшиным, Олегом Янковским, Василием Ливановым, Олегом Борисовым, Михаилом Боярским, Никитой Михалковым, Марчелло Мастоаянни и другими известными актёрами.

Николай Ващилин

Был проректором по учебной работе всесоюзного института повышения квалификации профтехобразования, позже работал в руководстве компании ТРИТЭ Никиты Михалкова и директором баскетбольного клуба «Спартак». Строил коммунизм на благо советского народа, защитил диссертацию и получил степень кандидата педагогических наук, вёл курс трюковой подготовки в должности доцента Академии театрального искусства /ЛГИТМиК/. Вырастил двоих детей, которые со своей матерью и моей бывшей женой выгнали меня из моего дома после 26 лет совместной жизни. Для меня, православного человека, развод стал настоящей трагедией, но вера в Любовь не прошла и светила мне на жизненном пути до конца. Похоронил, вскормивших меня родителей-фронтовиков. И сегодня вижу, как их, чудом дожившие до этих дней, однополчане, Победители в Великой войне, через 70 лет после Победы, вместо того чтобы давать милостыню щедрой геройской рукою недоучкам и спекулянтам, получают подачки от разжиревших воров. Нравственное воспитание советского человека перешло в безнравственное воспитание россиян, расцвет проституции, наркомании, бандитизма. На всё воля Божия! Но нам дано осмыслить его волю в проявлениях наших поступков. Это я и пытаюсь сделать.

Первая любовь

Наступило первое сентября. Мы собрались в своем классе и расселись по партам. После лета мы не узнавали друг друга. Мальчишки заострились чертами лиц и мерялись бицепсами. Девчонки округлились и мы, переглядываясь, оценивали их разросшиеся формы. Я снова сел у окна, в которое, как и семь лет назад, заглядывался на ветки клёна. Сквозь листву виднелось окошечко моего родного подвала, где прошло мое детство. Теперь мы жили в другой, большой и красивой комнате на Второй линии, д. 31 у Большого проспекта. Я смотрел на ветви клёна и уплывал в воспоминаниях о лете, проведенном в родной деревне Барсаново, в Пушкинских горах, в Псково-Печерском монастыре.

Учебный год начался с сенсации. Наша классная оторва, второгодница Томка Рысьева пришла в школу в немыслимой кофточке, облегающей ее выпирающую грудь и бедра, и объяснила это тем, что ее мать пьёт и не купила ей новую школьную форму, а в старую она не влезает. Учителя сочли довод основательным, но на всякий случай повели ее в медицинский кабинет. Многие видели Томку со взрослой шпаной. Кто-то из наших побежал подслушать и прилетел молнией обратно с выпученными глазами:

– Рысьева беременна – разнеслось громом по классу.

Эльмира Львовна пришла в класс озабоченная и сказала встревожено

– Тамара заболела.

Все захихикали.

– Это не эпидемия? – съязвил я в своем стиле.

– Не знаю.

Школа наша была семилетняя, то есть мы теперь стали выпускниками и на всех прочих учащихся смотрели свысока. Главной темой всех школьных предметов стала любовь. На естествознании мы усваивали способы размножения млекопитающих и с улыбкой вспоминали наивных гусениц и бабочек. Мы осознали, что опыление друг другом растений – это не что иное, как половая жизнь деревьев и цветов, что оплодотворение молокой рыбьей икры – это вообще половое извращение. Алгебраические двучлены и трехчлены вызывали хохот класса и тоже предназначались, по нашему мнению, для размножения всяких математических глупостей. Химические реакции между кислотой и щелочью приводили к выпадению двусмысленного осадка в виде солевого потомства. А на уроках литературы, обсуждая взаимоотношения Татьяны Лариной и Евгения Онегина Ирина Ивановна Добрынина сама каталась с нами от хохота.

Каждый старался сострить по поводу множественных любовных ситуаций героев, изучаемых произведений. Наш классный руководитель, Эльмира Львовна Вассерман, дала мне почитать журнал с новомодным романом Джерома Дэвида Сэлинджера «Над пропастью во ржи» и с неподдельным интересом заглядывала мне в глаза, обсуждая поступки героя Холдена Колфилда в отеле провинциального американского городка. Откуда ей было знать, что обо всем этом с нами много лет тому назад, в первом классе, нравоучительно и подробно беседовали паханы во дворе. И не только беседовали, но и проводили практические занятия. Где ей было знать, что еще в четвертом классе мы протирали до дыр штаны, в двадцатый раз пересматривая «Возраст любви» и оценивая несравненные ножки Лолиты Торес, и что уже тогда догадывались, что это так льнет Аксинья к Григорию, а тот из-за этого даже бросил свою жену Наташу в глубокую и холодную воду Тихого Дона.

Где ей было знать, что наш дворовый дружок, Борька Волкович, подсмотрев, чем занимается с любовником его мать, красавица Нона, в деталях рассказывал нам технологию секса. Сэлинджера нужно было читать быстро и я, экономя время, читал ночью с фонариком. Маму заинтересовала такая моя увлеченность и, почитав книгу, она чуть не упала в обморок.

На новый год папа достал мне билет на Елку во Дворец работников искусств на Невском, 86. Я ходил туда на Елку в прошлом году и получил от Деда Мороза подарок, который съел по дороге домой в автобусе №44. На этот раз Дед Мороз устроил танцы в Греческой гостиной. Когда кларнет запел мелодию «Маленький цветок», все бросились танцевать. Даже Дед Мороз со снегурочкой. Я выцелил модную красотку и уже было решился сделать шаг ей навстречу, как из-за колонны выскочил чумазый паренек в стоптанных ботинках и она повисла у него на шее. Они пропрыгали мимо меня, изображая модный танец «трясучка», слившись в пылу своих чувств.

После зимних каникул в нашем классе появилась новенькая. Ее звали Рита. Когда директор Свирина вошла с ней, в классе повисла мертвая тишина. Было слышно, как за окном падает снег.

– Вот, ребята, познакомьтесь. Это Рита. Она приехала из Семипалатинска. Будет учиться в вашем классе. Помогите ей почувствовать себя, как дома.

Девочки замерли от зависти. Мальчики не знали, что такое бывает настоящим. Она была красива. Черные косы, голубые глаза, прямой нос, очень гордое, но доброе лицо, высокая грудь не по годам и, не в пример нашим девочкам, тонкая талия. Её красивые длинные ноги плавно переходили в округлые бедра. Эльмира Львовна перехватила мой взгляд.

– Садись сюда, Рита, – показала Эльмира Львовна свободное место за моей партой. Так была решена моя судьба. Я влюбился сразу и очень сильно. Так сильно, что перестал шутить и ерничать на уроках.

– Что-то давно мы не слышали шуток нашего Коли. Иди Коля к доске, прочитай нам Маяковского. Понравилась тебе его поэма о Ленине.

– Нет.

– Вот как? А всем нравится.

– Я не все.

– А что тебе, конкретно, не нравится?

– Мне не нравится, что он застрелился из-за женщины.

– А ты бы из-за любимой женщины не застрелился?

Весь класс обернулся и посмотрел на Риту.

– Самоубийство – это смертный грех, – сказал я.

– В комсомоле этому не учат, Коля.

– А я еще не комсомолец.

– Плохо.

Зазвенел звонок и спас меня, а то бы я вылез из кожи.

На физкультуре мы занимались гимнастикой на брусьях и кольцах. Форма у девчонок – трикотажные майки и трусы-фонарики были предметом постоянных насмешек. А особенно теперь, когда у них все торчало во все стороны и провоцировало нас чего-нибудь потрогать.

Виктор Иванович сам был гимнастом и ловко показывал нам упражнения. Потом назначал помощника, который с ним подстраховывал того, кто прыгал через «козла» или висел на кольцах. Я у него был в почете, потому что по его совету уже второй год занимался баскетболом в районной спортшколе. Мы стояли с ним по разные стороны мата и ловили тех кто, перепрыгнув через «козла» с подкидного мостика, как бомба приземлялся на мат. Когда в очередном прыжке Рита зацепилась и, потеряв равновесие, летела на нас вниз головой, он ловко подскочил и, нечаянно схватив ее за грудь, удержал от падения. Длилось это долю секунды. Все пошло своим чередом и никто ничего не заметил. У меня же вылезли глаза и скрипнули зубы так, что Виктор Иванович инстинктивно отпрыгнул в сторону.

– Что ты, Коля?

Я выбежал из зала и на урок больше не вернулся. Мне казалось, что тронули мое. Тронули у всех на глазах то, что вообще трогать никто не имеет права. Кроме меня.

Риту все оберегали и старались ей помочь. Оказалось, что у нее погиб папа и они с мамой приехали в Ленинград к своим родственникам. Отец Риты был военным. Думаю, что специально из-за нее Эльвира Львовна затеяла экскурсию в Эрмитаж. Мы туда давно не ходили. В седьмом классе нужно было ходить в театр. Особенно на спектакли, которые хоть как-то касались школьной программы. Тоска зеленая. Но в Эрмитаж я пошел. Конечно из-за Риты. Мне хотелось все время быть с ней рядом. Кстати с моей парты она пересела к Маринке Ерёмченко. Они с ней подружились. И потом она устала от насмешек и косых взглядов. Я иногда провожал ее до дома, иногда мы гуляли по набережным Невы с Эльмирой Львовной и ребятами из других её классов, где она вела немецкий язык.

В Эрмитаже экскурсовод «вытягивала кишки» своим нудным толкованием живописных полотен. Я не заметил, как мы очутились в зале Рубенса перед «Союзом Земли и Воды». Тетя начала заливать про аллегории, о которых я не мог слышать с первого класса. Все внимали и следили за рукой, а я не знал, куда спрятать свои глаза, чтобы не видеть обнаженных тел мужчины и женщины в присутствии Риты. Хотя один приходил сюда часто и сверлил картину глазами до дыр. А потом под одеялом представлял себя на его месте. Рита заметила мое смущение и хитро улыбнулась. Когда они пошли к Рембрандту, я ушел к импрессионистам разглядывать шарады Пикассо. Встретились мы на улице, и пошли по набережным вдоль Невы, рассуждая о живописи и нашей будущей счастливой жизни.

Первого февраля, начав подготовку к празднованию Дня советской армии, наши неугомонные учителя организовали поход на Сенную площадь с целью патриотического воспитания. Весь город собрался там посмотреть на мастерство наших подрывников, собиравшихся произвести в центре города уникальный взрыв без осколков. Расчищали место для станции метро.

Я как-то упустил из виду, что именно взорвали, а когда понял, внутри стало холодно. Взорвали церковь Спаса на Сенной. Красивая, стройная она возвышалась в углу площади, приглашая к себе людей. Помешала кому-то. Другого места для метро не нашли. Дураку было ясно, что коммунисты глумились над верующими.

Народ толпился, глазел, ждал «чуда». Глухим подземным громом прогремел полуночный взрыв. Я представил, как колокольня медленно склоняясь вперед и бессильно опуская свою голову с крестом, упала на каменную брусчатку площади. Толпа ахнула, замерла... и раскатилась криками «Ура!»

– Скоро Спас на крови взорвут, сделают кольцо трамвая. Вот удобно будет, – слышалось из толпы.

Облако пыли висело над площадью. Рита бросилась бежать. Мы знали, что в Семипалатинске после взрыва атомной бомбы погиб ее отец. Я побежал за ней. У меня в голове промелькнуло моё первое причастие, мерцание свечей и пение ангелов. Что-то они теперь делают? Наверное, плачут.

В стране висела напряжённая тишина противостояния советской и американской разведок. Как гром среди ясного неба 12 апреля 1961 года в космос полетел Юрий Гагарин. Вся школа стояла на головах. Я подговорил класс сорваться с занятий. Мы поехали в ЦПКиО и перекачались на всех возможных качелях до тошноты, готовя себя в космонавты. Вечером мы пошли всем классом на Дворцовую площадь. Там собралось множество народу со всего города. Но вместо ликования и праздника в толпе обозначились шайки братвы. Я их сразу заметил и очень испугался за Риту. Я видел, как они окружают и тискают девчонок. На одной даже пальто разорвали. Слава Богу, подросла милиция и начала организовывать толпу, разделяя ее на сектора. Одноклассники дружно сдали меня школьному начальству как организатора и вдохновителя этой праздничной вылазки, и я получил выволочку от Эльмиры Львовны. Но по всему было видно, что она одобряет мой поступок.

Весенний ветер принес в школу еще одну эпидемию. На все лады обсуждали новый кинофильм «Человек-амфибия». Начали учить друг друга плавать, как Ихтиандр, на всех углах орали буржуазную антисоветскую песню из кинофильма: «Нам бы, нам бы, нам бы, нам бы всем на дно, там бы, там бы, там бы, там бы пить вино...». И, конечно, все восхищались красотой несравненной Гуттиерэ, которую играла московская школьница Анастасия Вертинская. Я видел в ней поразительное сходство с Ритой и решил пригласить ее в кино. Рита согласилась, только сказала, что спросит разрешения у мамы. Я купил билеты в кинотеатр «Великан» на третий ярус, подальше от назойливых глаз сверстников. Я любил кинотеатр «Великан» и чувствовал там себя, как дома, благодаря «дружбе» с художником. «Великан» был огромный, и там было множество укромных уголков. В один из таких мы и уселись с Ритой, насладившись мороженым в фойе. Она смотрела фильм, поглядывала на меня, а потом тихо шепнула на ухо, источая нежный аромат своих волос:

– Тебе нравится Гуттиерэ?

– Ты мне нравишься, – шепнул я, как можно ближе прижимаясь к ее щеке, и осторожно взял ее за руку. Она руку не отдернула. Мы так и сидели до конца фильма, пропуская через себя сладостные токи.

Когда включился свет, я убрал руку, и мы пошли, как ни в чем не бывало через парк имени В. И. Ленина, рискуя быть униженными петроградской шпаной. Когда мы стояли на парадной лестнице ее дома, дверь открылась и ее мама ехидно спросила:

– Вы собираетесь готовиться к экзаменам?

А потом, смягчив голос, сказала:

– Коля! Не «обижай» Риту.

Я сделал удивленное лицо. Ведь не мог же я догадаться, что ей лучше меня известно, чем я могу «обидеть» Риту.

К экзаменам мы готовились на крышах. Привычка залезать на крыши домов, наверное, осталась с войны, когда сограждане тушили зажигательные бомбы. Да и мы часто, помогая матерям, носили постиранное белье сушиться на чердак. А там и по крыше можно полазать, полюбоваться панорамой любимого города. Солнце соблазнительно припекало и чтобы не тратить время на поездку в парки или на пляж, мы с учебниками устраивались загорать на крыше.

Как-то раз я подговорил Риту, и мы залезли на крышу ее дома. Она обомлела от вида крыш и колоколен и поцеловала меня в щеку.

– Ты молодец. Здорово!

Потом сняла платье и осталась в купальнике, обнажив свои смуглые плечи и ноги. Она улеглась спиной на подстилку и ее груди вздымались невероятными холмами. Я уставился на нее.

– Ты будешь читать? —спросила она.

Я лег на живот, чтобы она не видела моего позора, и сделал вид, что читаю. На самом деле я не мог оторвать взгляда от мраморной глади ее роскошного тела.

– Ты еврейка? – спросил я, чтобы как-то разрядить ситуацию.

Завистливые девчонки дразнили ее еврейкой.

– Нет, ассирийка.

– Что-о-о? – удивился я. – Где это?

– Историю надо учить. С географией.

– Почему ты им не сказала?

– Зачем?

Я поцеловал ее в плечо.

– Не надо, Коля.

Я поцеловал ее в щеку.

– Не надо. Давай готовиться к экзаменам.

На выпускной вечер девочки пришли в белых платьях и с немислимыми прическами на головах. Некоторые намазали ресницы маминой тушью, а кто-то даже намазал губы помадой. Рита была в темно-зеленом обтягивающем платье и с длинной черной шелковистой косой с зеленой лентой.

Выпускной вечер закончился, и мы всем классом пошли на Дворцовую площадь. На набережных Невы толпами гуляли «взрослые» опрятно одетые школьники. Марсово поле утопало в сирени. От духоты дня кружилась голова. Я предложил искупаться в Неве, на Петропавловке. Девчонки заупрянулись, потому что все были в нарядных платьях и с копнами на головах.

Над Летним садом засверкала молния, и раздался сухой треск грома. Хлынул дождь. Мамина тушь потекла черными ручьями по лицам наших девочек, а их намокшие экзотические прически типа «Бабетта» превратили их в огородные пугала. Распущенные волосы Риты намокли и сделали ее еще красивее. Прятаться от дождя все разбежались в разные стороны. Я обнял Риту, прикрывая от дождя. Рита подмигнула мне, и мы отвалили. За время экзаменов мы почти не виделись и жадно болтали, перебивая друг друга. Мы успели перебежать через мост, который за нами взметнул свои «крылья». Вереницей потянулись баржи.

Мы свернули на пляж Петропавловки. Над городом сиреневой дымкой струилась белая ночь.

– Будем купаться? – спросил я.

– Давай.

Рита побежала по песку к кабинке для переодевания и вышла оттуда в белой шелковой сорочке.

– У меня нет купальника. Я так. – оправдывалась она.

Рита поспешно бросилась в воду, словно стесняясь своей красоты.

– Вода ледяная! – закричала она и выскочила на берег.

Мокрая сорочка прилипла к телу, обнажая ее неземную красоту.

Заглядевшись на изгибы ее тела, на шелковую гриву ее волос, я упал на песок, запутавшись в штанинах, снимая свои брюки. Она подбежала ко мне, и я схватил ее в объятия. Я задохнулся от упругости ее тела, ее груди, ее бедер. Она вырвалась и снова побежала в воду. Я бросился за ней. Мне казалось, что вода шипит и пениться от моего жара. Я обнял ее и всем своим телом прижался к ней, к ее телу, такому гладкому, такому упругому и теплему.

Мы упали на прибрежный песок. Я прижал к себе Риту изо всех сил. Нас трясло, как в лихорадке, и тут какой-то разряд разорвался у меня в голове и из глаз полетели искры. Я обессиленный лежал на песке. Она прильнула ко мне, и мы затихли. Слышно было, как бегают волны. Кончиками своих изящных пальцев она гладила мое лицо, мои глаза, мои губы.

Ударили куранты на колокольне. Было три часа по полуночи. Был июнь 1961 года. Мы стали взрослыми.

Возвращались мы по пустынным линиям Васильевского острова. Вдалеке маячила одинокая фигура. Это была ее мама. Она с ненавистью посмотрела на меня и хотела ударить Риту, но та увернулась и, плача, убежала. Больше мы с ней не встречались. Никогда.

Весь наш джаз

Стасу Домбровскому, Юрию Вихареву, Роману Кунсману, Доду Голощёкину, Саше Колташникову, Владимиру Фейертагу, Вилису Кановеру, Дюку Эллингтону, Луи, Чарли и какофонии их звуков за «железным занавесом».

Взаимная любовь с американцами, разделившими с нами тяготы войны с фашистской Германией и взасос зацелованными на Эльбе в 1945, постепенно к шестидесятым перешла в ревность и ненависть. Уже оттянул свою десятку Эдди Рознер. Джаз-оркестры Леонида Утёсова и Олега Лундстрема, перелицевались в эстрадные и всё реже мелькали на афишах. Облавы на стилиг, подпольная торговля рокешниками на костях затихали в победных звуках коммунистических маршей. Исчезла с экранов «Серенада Солнечной долины», затихало эхо её джазовых композиций. После полёта в космос Юрия Гагарина в ЦК КПСС начали всерьёз рассуждать, как мы накроем штатников атомной бомбой. Быть приверженцем американской культуры стало опасным делом.

Лежа на диване, утопая в неге от звуков музыки и перебирая мысли в своей, выросшей до 58 размера голове, мне казалось, что и работа, и учеба, и спорт, и музыка существуют в жизни только для того, чтобы заманить к себе красотку, и утонуть в ее теплых объятиях. Интуитивно я догадывался об этом еще в детском саду, где мы показывали друг другу глупости. Прочитанное в затёртых книжках Куприна, Золя и Сэлинджера я осознал, только прикоснувшись к женщине своей кожей.

Как-то по осени меня с сослуживцами послали от Института Электромеханики, где я работал лаборантом, на овощебазу. Пересортировав тонны капусты и моркови, мы гурьбой пошли к автобусу. Я как всегда был со спортивной сумкой, набитой учебниками и борцовской формой, чтобы продолжить обычное расписание своей жизни: после работы в техникум, потом на тренировку, а после тренировки – на джазовый концерт в Дом культуры пищевиков на улицу Правды. Мои приятели Вовка Рябинин и Сашка Шестаков уговорили меня туда пойти, обещая неземное зрелище. У Сашки комнату снимали «зверьки», грузинские студенты из Бонча. Они кинулись из Грузии в московские и ленинградские институты, покупая себе экзамены. Жадные до легкой наживы преподаватели, с аппетитом брали взятки. Сдал грузинский парень экзамены по русскому на пятерку, купил джинсы, батеновую сорочку и... стал человеком. Один из этих постояльцев гарантировал нам проходку на концерт. Я предложил сослуживцам зайти в баню и смыть с себя пот и грязь овощебазы, но желающих не нашлось. Все спешили по домам, где привыкли, экономя рабочее время, умываться над чугунными раковинами. Подошел автобус и все втиснулись в него, как сельди в бочку. Остались только я со спортивной сумкой и Маша, молодой инженер из аналитического отдела. Маша, как оказалось жила совсем рядом, в новостройках Комендантского аэродрома.

– Хочешь чаю? – спросила она доброжелательно. – И душ можешь принять. У нас горячая вода есть.

Я обрадовался такой удаче. «Может еще и в кино успею?», – мелькнуло в голове. В «Авроре» шёл новый фильм «Я шагаю по Москве» с Галиной Польских. Она мне очень нравилась. На Машу я смотрел как на заботливую и добрую маму и, ничего не подозревая, согласился.

Маша жила со своей мамой в хрущёвской двухкомнатной квартире на пятом этаже. Мама ещё была на работе и нам сразу стало легко и весело. Маша поставила чайник и пошла в ванную комнату, а мне дала почитать журнал «Работница» и попросила подождать. Из репродуктора Эдита Пьеха картавила что-то со своим акцентом про «червонный автобус». Маша вышла

из ванной в махровом халате и загадочно улыбнулась, сощутив свои карие глазки. Стоя под душем, я мучительно расшифровывал эту загадочную улыбку и не мог понять, на что мне намекает эта взрослая тетя. Неужели на «это»?

Когда я вышел из душа, Маша лежала на диване, запрокинув руки за голову, как «Маха» Франсиско Гойи. Пьеху заглушили звуки оркестра Дюка Элингтона, наполняя комнату атмосферой восточной экзотики джазовой пьесы «Караван». Чай дымился на столе с бубликами и малиновым вареньем. Такой решительности я не встречал еще ни у одной девушки. Маша сама руководила всей стихией, возжелав близости больше меня. Чай мы выпили холодным. Потом сварили картошку. Я ужасно хотел есть. В комнате висела гнетущая пустота и Маша предложила проводить меня до автобуса. Мне вдруг стало стыдно, когда я представил себе, что меня может кто-нибудь увидеть с такой тетей. Ей было лет двадцать, а может и двадцать пять. Такую бездонную сочную теплоту женского тела я узнал впервые и запомнил навсегда. Всю жизнь она меня манила, как самое сладкое лакомство.

Я пропустил занятия в техникуме и тренировку. Сходил в кино и пришел в Дом культуры. Сашка подвёл меня к своему квартирисьёмщику, невысокому, веснушчатому пареньку в модном свитере:

– Стас Домбровский, президент джаз-клуба «Восток».

– Почему «Восток»? Вы что на цимбалах играете?

– Да нет, это мы при Райкоме комсомола. В противовес империалистам. У них Запад, а у нас – Восток.

Вот это номер! Куда же это большевики сворачивают? Ведь тот из нас кто любит джаз, он быстро Родину продаст. Весенний ветер хрущёвской оттепели задувал в ширинку и провоцировал рецидивы Новой Экономической Политики. В 1957 году Никита Хрущёв, заискивая с Кеннеди, разрешил приехать в СССР на фестиваль молодёжи джаз-бэнду Бенни Гудмана. Москва стояла на ушах днём и ночью, скамейки в парках ломились от влюблённых, любви между народами не было конца. Увидев такую реакцию советских комсомольцев, Хрущёв схватился за голову. Но было поздно.

На концерте трио Юрия Вихарева исполняло джазовые композиции. Я своим ушам не верил, что такая музыка звучит в советском клубе работников пищевой промышленности. Хрущёв рос в моих глазах. Так они скоро граждан и за границу отпустят? По миру пойдём! На сцене Колпак бубнил на контрабасе, задавая ритм, Юра Вихарев рассыпал звуки падающих бус на клавишах своего пьяно, а Рома Кунсман хрипел на саксофоне, страдая от безответной любви. Публика в такт качала головами, а я, ёрзая на стуле в ритме джаза, выискивал в зале привлекательных девчонок. После встречи с Машей я почувствовал себя взрослым ловеласом.

В перерыве публика дружно пускала клубы дыма во дворике, а другие толкались в буфете за порцией советского шампанского и песочным пирожным. Стас предложил мне записать у него на магнитофон пласт новой английской группы «Битлз». Совсем недорого, за трёху. Что?! Трёху за «Битлз»? Наглый, однако, этот Стас. У Рудика Фукса можно Билла Хейли, Дина Мартина и Элвиса Пресли за трёху записать. А у этого «зверька» за трёху писать какой то «Битлз»?! Но за предложение я Стаса поблагодарил.

После концерта плотная толпа любителей джаза двинулась по бульвару к станции метро «Владмирская». По дороге я с легкой небрежностью склеил симпатичную девчущку с оборотительной попкой и сам удивился, как легко это у меня получилось. Таня жила в Автово. Я ее проводил, потискал в парадной и домой вернулся за полночь. Мама как всегда начала причитывать, что она всю ночь ждёт меня, волнуется и не может спать. Что я мог ей ответить? Я раздражался и дерзил. Ведь я уже был взрослым и самостоятельным. Мне стукнуло шестнадцать лет. Я уже получил паспорт.

«Битлз» своими песенками на сорокапятке не произвели на меня никакого впечатления. Но я сильно ошибся. Битломания пролилась на мир благодатным дождём. Как грибы

после дождя в Питере стали появляться их подражатели. Гитары, пылившиеся годами на полках магазинов, раскупались со скоростью хлеба перед наводнением. Смельчаки отрастили волосы до плеч, заузили брюки и оторвали у пиджаков воротники. По чистой случайности или по злему умыслу, обувная фабрика «Скороход» выпустила полуботинки с острыми носами. Как у «Битлз»! Чтобы их одеть, нужно было взять обувь на размер больше. И брали. По пятнадцать рублей за пару.

Я пришел к Стасу со своим магнитофоном «Комета» и с Таней. Пока я записывал «Битлз», Стас пошел на почту, получить денежный перевод от отца из Поти. А мы с Таней целовались взапуск под песни парней из Ливерпуля и трогали друг дружку за запретные места. Вся комната Стаса была завалена схемами, блоками, электронными лампами, динамиками, проводами и двумя большими деревянными ящиками величиной со шкаф. Старый пружинный матрац стоял между ними, как в будуаре. Он мастерил акустическую систему «под Грюндиг», предназначавшуюся для прослушивания пластов с хорошим звуком. В советской торговле таких чудес найти было не возможно. В магазинах продавали только советские хрипящие и шипящие проигрыватели «Ригонда», «Маяк» и «Юбилейный». А народ ещё полным ходом использовал для домашних увеселений патефоны.

Стас мне сразу показался добрым парнем. Во-первых, он оставил нас с Таней наедине и мы вдоволь натискались. А во-вторых, Стас, придя домой и, обнаружив, что полученные двадцать пять рублей он по дороге потерял, даже не повел бровью.

– Щедрый парень – подумал я.

У Стаса оказалось много хороших пластинок, и он согласился мне их записать совершенно бесплатно, если я оставлю ему магнитофон. Потом вывел меня в коридор и попросил оставить еще и Таню.

– Как? Она же моя девушка! Она может на меня обидеться?!

– А ты подожди минут десять на улице. Если она выскочит, значит обиделась. А если нет, то нет.

Таню я ждал больше часа, все ходил вдоль канала Грибоедова смотрел на леденеющую воду и думал: «Как же так?». Потом совсем замерз и поехал домой. Мама охала и причитала, как я мог оставить дорогой магнитофон постороннему человеку. Но я думал о другом.

«Как же так?» – думал я всю ночь о Тане.

В полдень по субботам в Доме культуры имени Сергея Мироновича Кирова на Ваильевском острове, по нашему в «Камне», где мы в детстве тёрлись на танцах с нашими паханами и дрались за них до кровянки, концерты устраивал городской джаз-клуб «Квадрат». Перед концертом маленький, но плотный музыковед Владимир Фейертаг, видимо наслушавшись тёмными ночами «Голоса Америки», рассказывал про джаз много интересного. На эти концерты часто приезжали джазмэны из Москвы, Риги, Таллина. К моему удивлению бывали ребята из Свердловска и Челябинска. Страна дышала полной музыкальной грудью. Больше всего это походило на карикатуру из журнала «Крокодил». Советские люди по определению не могли наслаждаться джазом. Это же способ отдыха нью-орлеанских бездельников и наркоманов. Но почему-то нас к этому тянуло. Нашей любимой забавой было продавать ребятам из глубинки запиленные диски и поношенные шмотки. Они хватали их, как щуки блесну. Поносив год джинсы, мы их «отправляли» провинциальным жлобам за ту же цену.

Саша Колпашников брэнчал на банджо с ленинградским дикси-лэндом. Дод Голощёкин своим горном созывал всесоюзный джемсэйшн. Имена Носов, Гаранян, Вайнштейн звучали, как пароль, в устах меломанов. Полный зал народу, «торчавших» от джаза, в фирменных прикидах, создавали иллюзорную атмосферу безопасности американской тусовки.

Цвет ленинградской фарцы, маскирующейся под комсомольцев, азартно обсуждали очередную афёру с джазовым фестивалем. Комсомольские вожди с большим желанием брались за организацию всего антисоветского. Они были готовы выполнить любой приказ... любого

правительства. Каждый второй из них был стукачом. За «стук» кагэбэшники разрешали им немножко фарцевать. Такая своеобразная форма конспирации и кооперации. Принципиальных антисоветчиков брали оптом и в розницу, вытравливая из них империалистическую плесень.

Мы приехали на концерт с Вохой Казаловым и увлечённо вели «тёрки» с товрищами. Потолкались в фойе, съели мороженое, поспрашивали у людей что, где, когда... почём? Пожали не мытые руки знакомым случайным знакомым. Оценили обновки товарищей и подруг. Осмотрели обтянутые модными юбками молодые женские тела. Попытались узнать их имена и планы на половую жизнь. Когда все новости были исчерпаны мы встретили Стаса Домбровского. Он был не один. Его подруга, эффектная шатенка в чёрном кремпленовом брючном костюме вызывала не здоровый интерес у окружающих. Вокруг неё, как бы случайно, вертелось много зрителей. Женские брюки были у нас в диковинку. Мила оказалась дочкой генерала КГБ Новикова и, видимо, хотела замуж. Ей уже было пора. А Стас выль, что его выселили из комнаты на Невском, 5 и вопрос с записью музыки на наши магнитофоны, которую он нам поставлял по дешёвке, накрывался медным тазом. Но вскоре Стас женился на Милочке и купил по протекции тестя кооперативную квартиру на проспекте Гагарина, 28. Умеют же устраиваться эти «русские»?!

Когда в городе у появилась пластинка «Хард дэз найтс», то с ее первого аккорда я полюбил «Битлз» и стал битломаном. Отпустил длинные волосы, у портного заказал пиджак без воротника, купил туфли с острыми носами. И пошло, поехало. Воха был отчаянным танцором и научил меня рок-н-ролла и твисту. Танцевать мы чаще всего ходили в кафе «Ровесник» на проспекте Энгельса. Нехитрая закуска входила в стоимость билета. Пропустив по стаканчику принесённой с собой водки мы веселились и плясали до ...23 часов по полудни.

Когда танцы устраивали в институтах или школах, билеты продавали комсомольцы, организаторы молодёжных коммунистических движений. Бабки беззастенчиво брали себе, а музыкантам оставляли славу и восторги публики. На вечеринки в «Тряпку», «Бонч», «Холодильник», «Военмех» пробиться было не легко. Смекалистый Воха предложил брать с собой пустые кофры от гитар и контрабаса и проходить, прикидываясь музыкантами. За Додом Голощёкиным таскалась группа девчонок и носила за ним его контрабас. Таскаться с футлярами было не удобно, но проходка была обеспечена «железная». Главное, что расступалась тысячная толпа перед входом, а дружинники на контроле нам даже помогали. Из студенческой самостоятельности появлялись зародыши оркестров, которые мы стали называть «группами». Названия утверждали комсомольские вожди и лукаво склоняли музыкантов к революционной тематике типа «Апрель». Музыканты топорщились и выражали свой революционный пафос малознакомыми космологическими понятиями «Аргонавты», «Фламинго» и прочей живностью саванны и каменных джунглей. Толпы их фанатов таскались за ними по городу на все их концерты и танцевали своим табором вблизи сцены. Выбор девчонок на таких вечеринках был огромен.

Когда удавалось на какой нибудь афёре «срубить капусты», мы шли оттянуться в рестораны гостиниц «Европейской» или «Астории», где в оркестрах играли наши знакомые джазмэны. Они ублажали там иностранных туристов и тружеников страны. По бедности, еды мы брали на копейки, чем сильно раздражали халдеев. Порция чебуреков за сорок четыре копейки считалась пиршеством, а салат из красной капусты и лобио – праздничным столом. «Залить за воротник» приносили с собой водку и распивали её под яркими табличками «Приносить и распивать спиртные напитки – запрещается!». Чтобы не пить водку из ладошек, заказывали пару бутылок воды «Полуостров» с привкусом медного купороса, а к ней полагались фужеры. Иногда злой метрдотель, происходивший из стукачей, поднимал кипишь по поводу нарушения правил и портил людям вечер. В «Астории» «мазу держал» Володя Феоктистов / Фека/. Его братва зверушеская цеплялась к нашим девчонкам, приглашая их на «медляк». Девочки с удовольствием принимали приглашения, выпрыгивая из штанов, что попали в такое

шикарное заведение. Без кавалеров девушек в ресторан в те времена швейцары не впускали. Фека был вальяжным, модным фраером и отказать ему было трудно. От злобы, ревности и бессилия нам оставалось только драться. Менты тут же скрывались в курилке и пацаны Феоктисова заполняли поляну. Ножи с собой не носили, хватали прямо со столов. Я был до драк не большой охотник, а братья Литвинюки, хоть и махровые евреи, только за этим туда и ходили. Вечер отдыха мог закончиться больницей или или «обезьянником» у ментов.

Скверик у Исаакиевского собора нами был любим не за прекрасный вид на архитектурные ансамбли, а за близость к нему отелей интуриста. Стоим мы как то у «Астории» в предвкушении лёгкой наживы, ломаем головы, куда бы пойти вечерком и рассматриваем новый галстук Алика Степаняна. Вдруг из подъехавшего автобуса высыпают разноцветные, развесёлые иностранцы. Товарищ наш, Коля Алёнин, неожиданно решил блеснуть знанием английского и бросил небрежно проходящей мимо леди :

– Вот из ё кантри?

Леди, от неожиданного вопроса, замерла и протяжно сообщила:

– Фром ю эс эй.

– О`кей! – одобрительно крикнул Коля, и уверенно продолжил

– А, хау олд ар ю?

Еще больше вытаращив глаза, девушка прошептала смущённо:

– Твенти файф, – и с испугом ждала следующего вопроса, принимая это уже за допрос.

Но Коля по-английски больше ничего не помнил и спешно перешел на другую сторону улицы крикнув на ходу гутбай, оставив девушку из США в глубоком замешательстве. Там нас и взяли под белые руки «люди в чёрном» и повели в ближайшее отделение милиции. Происками КГБ иностранные туристы были запуганы до смерти.

Больше всего мы любили танцевать в «Европе», где играл оркестр Саши Колпашникова. Там по благу можно было заказать любой модный танец. Но и тут спокойно было не отдохнуть. Стас, прикрываясь моими кулаками и спиной Юры Маркарова, постоянно задибался, приставал к чужим чувихам, провоцировал драки. Когда с переулка Крылова приезжали «раковые шейки», Стас успевал смыться, а меня тащили в отделение, как самого большого хулигана. Приходилось звонить по телефону нашему динамовскому тренеру Лёне Усвяцову, отсидевшего за изнасилование десять лет и он меня «отмазывал», объясняя, что я вел непримиримую борьбу с хулиганами. Это было недалеко от правды. Лёнькин кровный враг в споре за место под солнцем Александр Самуилович Массарский организовал из своих самбистов отряд дружинников, и мы часто ходили по Невскому с красными повязками на рукавах, отлавливая среди фарцы и хулиганья своих товарищей.

Около «Европейской», на углу улицы Бродского с Невским, торчал пеньком самый показушный газетный киоск Ленинграда. Покупайте газеты со всего мира! Киосков, конечно, было много, но предлагали гражданам в них только советские газеты – «Комсомольскую правду», «Известия», «Вечерний Ленинград». Иностранные газеты и журналы продавали только в этом киоске. Фирмачи часто толпились около него и покупали там толстенный «Файнейшенэл». В толчее фарцовщики, якобы торопясь купить свежую «Социалистическую индустрию», безопасно задавали им свои навязчивые вопросы «Клоудз фор сэйл?», «Хау мач?», «Мина коста вила пайта?», «Кванто коста?», «Перке компликато», «Ненте компликато», «Са кут комбьян, силь ву пле?», хватали их за галстуки, свитера, трузера и договаривались о встрече в укромных местах. Понятно, что чемоданы шмоток фирмачи с собой не носили, а раздеваться тут же на улице смельчаков даже среди людей свободного буржуазного общества было не много. Возле этого киоска я как-то встретил Женьку «Слона», у которого купил свои первые джинсы с магическим лэйблом «LEE». В руках он держал красивый глянцевого журнала «Америка».

– Где взял? – спросил я.

– Где взял, где взял? Купил!

Слон познакомил меня с продавщицей киоска и я теперь мог покупать у нее журналы «Америка», «Англия» и югославский «Филмски свет», завернутые в пачку неликвидных советских газет типа «Труд» и «Правда». Так она выполняла свой партийно-агитационный план за Советскую Власть, а я получал разрушающую мой мозг информацию о красивой заграничной жизни.

Основная масса советского народа тупо и упрямо строила коммунизм. По выходным пила горькую и отсыпалась. У нас с товарищами было не больше свободного времени, страстное желание узнать о жизни в других странах. Путешествовать по миру было не возможно по определению. Заграничная командировка для советских учёных, спортсменов или артистов расценивалась согражданами как путешествие в Рай и гордость за него долгие годы подсвечивала их каким то не земным неоновым светом. Посмотреть на красивую заграничную жизнь советские люди ходили в кино, в бывший «Иллюзион», находившийся на том же месте, что и при царе, на углу Невского с Литейным, в двух шагах от кожно-венерологического диспансера. Теперь этот кинотеатр назывался «Октябрь». Можно подумать, что за ним последуют «Ноябрь», «Декабрь» и «Январь». Но дальше шли «Аврора», «Баррикада» и, видимо, как собратья по революционной идеологии римской империи – «Спартак» и «Колизей». Невский был переполнен кинотеатрами. Но насладиться игрой Хэмфри Богарта, Ингрид Бергман, Марлен Дитрих, Чарли Чаплина можно было только на Васьеке. Старые довоенные иностранные фильмы показывали только на Васильевском острове в кинотеатре «Кинематограф». Сюда мы ездили смотреть наряды звёзд Голливуда и слушать джаз в старых американских фильмах – «В джазе только девушки», «Серенада солнечной долины»...

«Великолепная семёрка» погрузила всю страну Советов в мир ковбойских понятий. Вернее той их части, которая касалась криминала и драк. Про то, что эти бравые парни пасут и перегоняют скот мы понятия не имели. Раскачивающаяся походка питерской шпаны быстро поменялась на вальяжный шаг ковбоя Криса «от бедра». Даже лиговская шпана свои сопливые лондонки пыталась заменить на суррогатные шляпы «Стэтсон» из ГДР. Французский комедийный фильм про Фантомаса пересматривали по нескольку раз, чтобы запомнить детали модной современной одежды и заказать в ателье костюмчик, «как у них». Кино было для нас основной формой познания жизни. Библиотеки и музеи не пользовались большой популярностью. Хотя мало кто знал, что в Публичной библиотеки можно было полистать даже журнал «Плейбой».

«Великолепная семерка» выбила из седла всю советскую молодежь и заставила на десятилетия забыть все виды порток, кроме джинсов – простых рабочих штанов американских скотоводов.

Первоклассные иностранные кинофильмы «Ночи Кабирии» и «Дорогу» Феллини, «Затмение» Антониони, «На последнем дыхании» Годара, «Рокко и его братья» Висконти показывали во всех советских кинотеатрах. Этих шедевров, если еще добавить к ним «Летят журавли» Калатозова и «Гамлет» Козинцева было вполне достаточно для высшего образования здравомыслящего человека. Но нам хотелось большего. Нам хотелось запретного. И мы с Вохой пролезали на закрытые показы в «Дом кино», где собиралось высшее ленинградское блатное общество. Его тетка, Валентина Петровна, работавшая там администратором, запрещала ему приводить в этот омут «чистой» воды всякую уличную шваль вроде меня. Там ещё до того, как французский кинодождь зальёт всю страну, мы увидели «Шербурские зонтики». Там мы обалдели от восторженной музыки Мишеля Леграна в фильме Лелуша «Мужчина и женщина». Появившись на экранах, эти образы вошли в дома советских задроченных строителей коммунизма вечными сказочными снами, их светлым будущим.

С Валеркой «Манекеном» мы встретились под часами, как и договаривались, ровно в три. Дня через два. «Кидать», «парить», «динамить» и «вешать лапшу» было в порядке вещей и среди фарцы считалось «хорошим тоном». Лоха или «зверька», который не может отличить фирменных штанов от «деребаса» – грех не «кинуть». «Манекен», как всегда, был в новом

прикиде и принес мне за пятнашку штатский голубой «батен-даун», с коротким рукавом. Мы с Казаловым решили смотаться по жаре на денёк в Москву, на международный московский кинофестиваль. Фарца кинулась туда бомбить «фирму». Повод – лучше не придумаешь. «Красная стрела» набилась «штатниками» с Невского. По расклепанным брюкам, рубашкам «батенам» и галстукам «тревира» они отличались от простых советских командировочных.

Москва с утра шумела разноцветной толпой. К кинотеатру не протиснуться, тройной кордон милиции. Воха подошел к парню, торговавшему мороженым, и выпросил у него на минутку всю его амуницию. Одел его белый фартук, взял лоток с «пингином» и нагло поехал к кинотеатру. Кордоны прошел, как нож сквозь масло. Когда Воха вернулся, в руках он сжимал два билета с оторванным контролем. Дальше – дело техники. «Искатели приключений» с Алленом Делонем и Лиино Вентура открыли нам пути к счастью, расходившиеся с дорогой, показанной партией большевиков в «Коммунисте». Но не только киношная публицистика наполняла наше сознание. Фильмы Сергея Параджанова «Тени забытых предков», «Цвет граната» поражали мое воображение. Никакого кривляния. Чистая поэзия. Сочная. Точная. Бесконечная. Вечная. Где-то я такое уже видел? Ах да, в Москве на кинофестивале. «Восемь с половиной» Федерико Феллини.

На четвертом курсе техникума я вдруг перестал прогуливать занятия. В нашу группу из другого техникума перевели модную красотку Тоню. Вылитая Роми Шнайдер. Я за ней приударил. Провожал её по вечернему Невскому проспекту после занятий, часами прижимался к ней в её парадном. Мы уже млели на её диване от Рэя Чарльза, пока мама пропадала на работе. Мы нежились в темноте кинозалов, восторгались красотой природы в глубине тёмных аллей. Тоня уже давала мне погладить ее обворожительные груди, как вдруг, без лишних объяснений, ушла с другим. Он стал её провожать. Я был оскорблен в лучших чувствах. Тоня мне так нравилась, что я даже хотел на ней жениться. А этот другой был форменный урод и фарцовщик – Лёха Павлов. Нос длинный с горбом, скулы, как у крокодила. Тоже мне – Юл Бриннер. Мне бы такие джинсы...

Я долго не находил себе места. Жизнь стала пустой и не нужной. Я часами стоял на набережной и тупо смотрел на струящуюся воду. И вот однажды на шумном, прокуренном вокзале, глядя вслед уходящим поездам и вытирая безутешные слёзы, я встретил девушку. Звали ее Люда. Красоты она была неопиcуемой. Все, что я видел до сих пор, не шло с ней ни в какое сравнение. Она кого-то проводила на поезд и одинокая шла по опустевшему перрону. Изящества ее тела сразу затмили образ Тони. Я пристал к ней, как банный лист. Она сдалась быстро, но не пошло. У нее был тонкий юмор, веселый нрав и склонность к авантюрам. На моё предложение запить мороженное советским шампанским она ответила безоговорочным согласием. Мы пошли в «Север».

У входа в «Север», растопыривая пальцы, оживлённо беседовали аристократы питерской фарцы во главе с глухонемым Васей. Менты по понятным причинам глухонемых не трогали. А они беззастенчиво «раздевали» фирмачей прямо на Невском. Спутницу мою оценили по достоинству и наперебой стали предлагать для неё модные вещички. Пока Люда лакомилась профитролями в шоколаде, Серега Светлов «сдал» мне для Люды шарфик нежнейшего итальянского шёлка. Вознаградила она меня щедрее царицы Савской. Да ей особенно не нужно было и стараться. Награда у нее была во всем. В прикосновении руки, в повороте головы, во взгляде, в улыбке, обнажающей влажные белые зубки.

Фарца обычно толпилась в верхнем фойе «Севера» и внизу в гардеробе. Все их внимание было устремлено на клиентов, проходящих сюда тоже не ради профитролей и меренги. Всей тусовкой руководил швейцар дядя Ваня, слуга двух господ. Весь в золотых галунах, с очень важным лицом, которое отображало полное презрение к простым любителям мороженого. Он чинил им всякие мелкие препятствия, не допуская их к сладкому и приберегая места для тех, у кого хватало ума сунуть ему на лапу рубль. Лицо его, как светофор, меняло свой цвет при

появлении ментов или известных ему стукачей, из коих он же был первым. Ради наживы он был готов продать родную маму, но не фарцу. Она «несла» ему «в клюве» табош. По цвету его лица фарца чуяла опасность, и всех как сквозняком сдувало в зал, где их постоянно ждали места за столиками, с чего «табош» имели официантки в кружевных передниках и кокошниках.

Элита Невского ютилась в тесноте кафетерия «Европы». Отстоять полчаса в очереди, а потом сидя за столиком, отметить зорким глазом новых постояльцев, узнать кто что продаёт или кто в чём нуждается было обычным, повседневным занятием нерабочей молодёжи. Здесь разумеется не торговали. Это был «стол заказов». Торговали в подворотнях или в своих норах коммунальных квартир. Но там на страже порядка были бдительные, завистливые соседи. Люда посещала со мной значные места с интересом, но без восторга.

В середине шестидесятых открыли кафетерий в ресторане «Москва» на углу Невского и Литейного. Швейцаров там не было. Столики без стульев, высокие. Бульон, пирожки. И, конечно, кофе. Одинарный, двойной, приготовленный в венгерских кофейных машинах. Туда кинулся весь Невский сброд, что победнее, которых в «Север» по фейсконтролю не пропускали. Стоя часами в очередях за кофе, можно было сдохнуть, но время зря не теряли. Кляли советскую власть, мечтали о свободном западном мире. Нарекли это место «Сайгоном». В «Сайгоне», в этой узкой длинной «кишке», набитой неряшливым народом, зародилась бактерия неповиновения, сопротивления и революции. Проявляться болезнь начала в рваной одежде, хриплой музыке Володи Высоцкого, уродливой красоте живописи Миши Шемякина, во вдыхании дыма дурманящей травы, стихах Иосифа Бродского, в небрежно наброшенных длинных шарфах хиппующих стилиг.

Миша в те времена жадно пил портвейн и часто захаживал в «Сайгон», поскольку жил неподалёку. Тропинки между питерскими кофейно-портвейными поилками протаптывали с деловой озабоченностью Ося Бродский, с элегантно уверенностью Ильюша Авербах, выворачивающий свои дырявые карманы Саша Володин, бодро перепрыгивающий лужи Миша Боярский, ломающий случайные фонарные столбы Серёжа Довлатов и Бог знает, сколько ещё неизвестных, но достойных обывателей петербургского болота. Володя Высоцкий, после съёмок тоже любил пройтись по Невскому в поисках красоток. Шли мы с ним компашкой, от совковой робости жались друг к другу и, сморозив какую-нибудь пошлость встречным девчонкам, прятались за спинами товарищей. Когда впереди мелькали стройные ножки и упругие попки, наша вольжная ходьба ускорялась до спортивной. Обратиться к девушкам с предложением дружбы и любви смелости не хватало ни у кого и поэтому обогнав модниц, мы начинали придирчиво критиковать вслух их невыразительные формы и ярко выраженную фригидность.

Для подъема, внезапно упавшего, настроения мы заходили в поилку «Советское шампанское» и освежались коктейлем «Бурый медведь». Его рецепт был прост и не держался фирмой в тайне – сто граммов коньяка и сто шампанского. Розовощёкие от винных паров девчата в кокошниках, вежливо предлагали на выбор грузинский или армянский коньяк к советскому шампанскому. Но мало кто отказывался шикануть якобы «заграничным коктейлем», повергавшем интуристов из Франции и Англии в шок. Конфетка и лимончик в придачу за шестьдесят копеек и... жизнь снова сверкала всеми цветами радуги. Закусить столичным салатиком можно было в ресторане ВТО на Невском, 86 или в «Сосисочной» на площади Восстания. Сделав петлю на привокзальной площади, от которой несло протухшим бельём пролетариата, мы, как в капкан, попадали в кафе-пирожковую на Литейном с экзотическим лейблом «Сайгон». Девчонок там всегда было много и заговорить с ними за высокими столиками было легко, задав дежурный вопрос: «Девушка, а что вы делаете сегодня вечером?». И получить дежурный ответ – «Всё!».

Стас вцепился, как бульдог, в нового знакомого и уговорил Володю спеть концерт в ДК Пищевиков, соблазнив его роскошным гонораром в десять рублей. После фильма «Вертикаль» студенты рвали струны на своих дешёвеньких гитарах, но в лицо Володю узнавали ещё не все.

Стас развесил объявления во всех институтах и ожидал грандиозного успеха своего смелого проекта. Он мечтал прославиться и разбогатеть. Люда не пошла на эту сходку, потому что не любила маёвки и походы. Она любила ласку. Любила когда её грудь помещалась в моей ладони, когда я пытался поместить в свою ладонь её попку и нежно обхватывал своими пальцами её изящные лодыжки. Целоваться она могла часами.

Маленький зал мест на сто, а то и сто пятьдесят – набился до отказа любителями авторской песни. Володя пел, отвечал на вопросы, рассказывал небылицы. В зал заглянул директор Дома Культуры товарищ Ландау и с девизом «Такой джаз нам не нужен!» изгнал Стаса из президентов джаз-клуба «Восток», не позволив ему даже выплатить артисту обещанный гонорар. Володя отнёсся к демаршу начальства с пониманием и с задатками незаурядного артиста делал вид, что деньги его мало интересуют и что пел он в своё удовольствие, не ожидая от нас обещанных барышей.

От финансового позора нас со Стасом спасла его сестра Стелла, работавшая инженером в научно-исследовательском институте спецавтоматики и избранная сослуживцами в Профком. Она устроила для Володи концерт в своём институте и выплатила ему гонорар в 20 рублей, предварительно оформив их, как материальную помощь двум другим членам профсоюза. Инцидент был исчерпан, но горький осадок остался у всех. Так, через пень-колоду, началась песенная карьера Володи Высоцкого. Позже мой приятель Боря Петров, работая директором клуба «Эврика» компенсировал с торицей Володе все эти издержки и часто устраивал у себя его концерты.

Расстраивался Стас не долго. Он тут же увлёкся современной живописью. Новомодные художники-абстракционисты в поисках признания показывали свои работы в самопальных галереях, на квартирах светской молодёжи и подпольных диссидентов. Иногда выставки устраивали на чердаках, иногда в подвалах. По Питеру прошёл шумок, что на Мойке, в здании Круглого рынка открылась международная выставка. Воха любил всё приукрасить. Просто на квартиру к Володе Тыкке пришли польские артисты и долго восторгались букетом русской водки с солёными огурцами. Привёл их Витя Чистяков, авантюрист и провокатор всяких подстав. К ним в Театральный институт приехала делегация иностранных студентов на спектакль «Зримая песня». Вольнодумцы и повесы на этих вернисажах проявляли неподдельный интерес к прелестям моей очаровательной подружки. Приходилось вступать в перепалки и потасовки, демонстрируя приёмы восточных единоборств. Люду это забавляло.

С Мишей Шемякиным дружить в то время было не безопасно. И не только потому, что он единственный в Ленинграде ходил в кожаных штанах. Жил Миша на Загородном проспекте, напротив «Техноложки». Имел две комнаты в коммунальной квартире. В одной жил, в другой писал картины. Женат он тогда был на еврейке Риве, лет на десять старше его и отягощенной дочкой Дорой. Приятель мой Слава Шаповалов привел меня к Шемякину на предмет обмена джазовых пластов на его картины. Я выменял у Миши картинку синего чудовища с длинным носом на пластинку «Мадди Воторс», поющего заунывные блюзы в стиле андеграунд. Ну совсем смурные. Обмен был равноценным.

У Славы в то время была симпатичная жена Таня, с которой они решили разбежаться. Таня по старой дружбе просила Славу познакомить ее с каким-нибудь евреем, чтоб тот, как паровоз, увез ее за границу на постоянное место жительства. Слава познакомил ее с Димой Блумбаумом по кличке «Седой», но там что-то не срослось. А вот Мише Таня понравилась. Он был не силен в женских делах, но очень этого хотел. Прильнув к Тане, он ощутил сильное влечение и Риву с дочкой выселил к своей маме. А к чему я всё это рассказываю? Ах да! У Славы была пассия из Англии – Джил. Она была высокая, смазливая и вкусно пахла. Из-за любви к искусству она часто приезжала в Ленинград по туристической путевке. Славка привел ее к Мише полюбоваться его искусством. Не долго думая, Джил спросила «хау мач», показывая на женский портрет с длинными руками. Миша почесал голову и выдумал несусветную для

тех времён сумму – 400 рублей. Слава поделил на два. Миша согласился. Джил протянула Славе 200 долларов, которые он тут же положил к себе в левый карман, а из правого кармана вынул 200 рублей и протянул их Мише. Миша задумчиво засунул деньги в копилку. Вечером, когда мы сидели у Славы в каморке на Владимирском и слушали диск Дэйв Брубека, в дверь позвонили. В дверях еле стоял на ногах Миша и сурово сдвигал брови:

- Она тебе дала 200 долларов, а ты мне дал 200 рублей. Не честно.
- Почему не честно? Ты же просил за картинку 200 рублей, 200 рублей и получил.
- Нет, – сказал Миша, – доллар у валютчиков нынче стоит 4 рубля.
- Так это у валютчиков, их ещё найти нужно. – ответил Слава.

Но Миша не понял, обиделся и хлопнул дверью. Однако выгоду свою со Славы Миша поимел. Джил в Париже показала его картину знающим людям. Она им очень понравилась и телефон в Мишиной квартире превратился в будильник. Вскоре в Ленинград приехала шустрая искусствовед Дина Верни. Кроме того, что она любовалась архитектурой Ленинграда, Дина скупала живопись у Миши Шемякина. Кажется она его и вывезла в Париж. Миша брал за картины доллары и вызывал своей находчивостью неподдельный интерес в органах КГБ. О нём мне поведал по секрету один мой товарищ по секции самбо Вова Путин, видимо осведомлённый об этом не случайно.

Делиться и обмениваться городскими новостями всегда было любимым занятием петербуржцев. Раньше, при Пушкине, зимой это делали в ресторанах и кафе у Вольфа и Беранже, в лавке издателя Смирдина или в мастерских художников на экзотических чердаках. Когда хрущёвская оттепель закончилась, в летнюю жару мы обычно сидели в открытом кафе «Ветерок» на улице Софьи Перовской /Малой Конюшенной/, училки и революционерки. Но дуло там сильно. Видимо поэтому оно получило от нас погоняло «Сквозняк». Можно было постоять на мосту через канал Грибоедова у Дома книги, у «Европы», у «Елисея», у «Катки», у «Гостинки», посидеть у Казанского собора или пешком утюжить Невский и на ходу решать проблемы. До сих пор не пойму почему всех тянуло на Невский? Он принимал всех. Здесь почти не было драк. Толкались бы на Лиговке, на Седьмой линии или на Литейном?! Там появиться центровым было не возможно. «Отоварят» так, что мало не покажется.

Праздно стоящих на Невском, гуляющих, а тем более, сидящих в значных кафе чаще, чем средневыжатый Советской властью обыватель, менты хватали, везли в отделение и оформляли пятнадцать суток принудительных работ. Органы КГБ зорко выслеживали вредных людейшек и нещадно их вытравили с чистых улиц и проспектов города Ленина. Фильм «Интервенция» «лёг на полку», а Высоцкого запретили снимать в главных ролях. Мишу Шемякина за его «каракули» устроили в психушку, а Осе Бродскому за тунеядство дали шесть лет исправительно-трудовых лагерей, а потом и вовсе выгнали из СССР. Но круче всех наказали Эдика Мазура. Он осмелился попросить иностранца купить ему за границей фирменную флейту и дал ему триста американских долларов, купленных у валютчиков. Эдик хотел достичь красивого звука. Он был настоящим музыкантом. Такую смелость органы КГБ оценили в восемь лет строгого режима. Питерские набережные Невы становились «Стеной Плача». Стремление к красивой жизни заставляло нас рисковать. Кто не рискует – тот не пьет шампанского! Французского!

Как то раз я привёл Люду в джаз-клуб. Дружки забыли про музыку, приглашали её танцевать, задавали нелепые вопросы, обнажая свою эрудицию и привлекая ее внимание. Она вела себя достойно, ни на ком не задерживая взгляд и не настораживая ухо. Все галдели про поездку в Таллин на джазовый фестиваль. Выше всех подпрыгивал на своих ножках Лева Фельгин. Пришлось ему слегка вломить, на что он очень обиделся. В Таллине мы свободно дышали полной грудью. Мы ездили туда как за границу. Таллинские площади, улицы, уютные кафе обволакивали атмосферой датского королевства. Люда наслаждалась кофе, я Людой. Мы были счастливы.

На джазовый фестиваль приехал живой голос Америки из Вашингтона – Вилис Канонер. Казалось, что Брежнев решил объединить с нами весь мир в общий джамсэйшн. Но по его правилам. Наши танки загрохотали стальными гусеницами по брусчатке пражских улиц. Чехи орал проклятия также неистово, как в 1945 кричали «УРА!». Восемь человек вышли на Красную площадь в знак протеста. 8 человек из 250 миллионов граждан СССР!!! Страна молчала, как глухонемая. Перед Железным Феликсом с прямой как тетива лука спиной и надменно поднятой головой на Лубянке народ по прежнему трусливо склонял головы и поджимал хвосты.

Итальянцы в обмен на нефть построили автомобильный завод на Волге и обещали чего-нибудь еще. Приехал квартет Марино Марини. Концерт в ДК им. М. Горького собрал пол города. Билетов не достать. Песенки веселые «Е-Е...», победитель конкурсов Сан-Ремо Джин Питней со своим шлягером, заполнившим тогда весь эфир/ Gene Pitney – *Quando vedrai la mia ragazza/*. Электрогитары, акустические колонки, километры проводов на сцене. Такое мы видели и слышали в первый раз. Элегантные белые костюмы, пиджаки с двумя шлицами сзади.

Прощайте, стилиги в дудочках! На Невском итальянский стиль объявил войну «штатникам». Галстуки «Тревира» из ситнетики у понимающих людей больше не котировались. Подавай им итальянские, шелковые. Фарца «тревиру» начала скидывать по-дешевке. Я с жадной «наварить бульон» купил у Кума целую партию и... попал. Предъяву не сделать – сам дурак. Их уже по пятнашке никто не брал. Так я много лет перевязывал ими коробки с книгами, когда переезжал с квартиры на квартиру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.